

В обществе есть такая фраза: «Всё-таки праздник».

Китайцы придают огромное значение Празднику Весны, а канун Нового года — безусловно, самый важный день в году. Сам праздник — это как укрытие, позволяющее на время сбежать от реальности.

Будто бы, когда в полночь звучит бой курантов, всё плохое, что было в прошлом году — неудачи, несчастья, печали — остаётся позади. А впереди только новая жизнь, полная надежд и возможностей.

Но находятся и те немногие, для кого и этот праздник не становится счастливым.

Восточный район города, переулок Фанлун.

Здесь много старых домов, и уже вышел официальный документ: через год весь этот район пойдёт под снос.

В большом городе снос старых построек — это всегда большое событие, ведь почти всегда означает внезапное богатство.

Этот Новый год, скорее всего, станет последним, который старожилы переулка Фанлун встречают вместе. Ещё с самой ранней зимы десяток женщин, во главе с активной Чэнь Хунбин, любительницей танцев на площади, начали готовиться к общей встрече праздника.

До кануна они уже не раз устраивали репетиции праздника, а в сам Сочельник, с самого полудня, вынесли стол для маджонга прямо на улицу. Женщины грызли семечки и азартно играли, мужчины развешивали фонари, хлопотали с ужином — изо всех сил стараясь показать прохожим, какие они заботливые мужья.

К вечеру, часам к семи-восьми, в переулке стало ещё шумнее.

В черте города запускать петарды запрещено. Но Чэнь Хунбин умела говорить — собрала подруг, рассказала и объяснила всё с душой: мол, в следующем году здесь уже всё снесут, а ведь все мы выросли в этом районе. Раньше-то никаких запретов не было — какой же Новый год без фейерверков? Хотя это и последний раз, но надо же оставить хоть какие-то воспоминания.

Инспекторы из городского управления посоветовались, доложили наверх. Там, взвесив ситуацию, решили, что в словах есть резон: район на самом краю города, можно сделать вид, что не заметили. В итоге выделили небольшой участок земли, где им разрешили запускать фейерверки — но при одном условии: чтобы без лишнего шума.

Фейерверки привезли в микроавтобусах — целыми машинами из уезда, где

специализировались на их производстве. К десяти часам вечера, за исключением равнодушной к традициям молодёжи, почти все жители переулка уже вышли на улицу.

Чэнь Хунбин, бойкая женщина с задором, в молодости слыла шумной затейницей, а к своим почти пятидесяти и вовсе стала душой компании. Днём она организовывала маджонг, а вечером размахивала красным флажком, стоя на переднем краю площадки, следила за порядком — словно настоящая председательница уличного комитета переулка Фанлун.

— Сестра Хунбин! Сестра Хунбин! — громко окликнула её Ян Гуйчжэнь, одна из её подружек по танцам на площади. — Иди сюда на минутку!

Чэнь Хунбин недовольно протиснулась сквозь толпу:

— Чего опять?

— Ты чё тут одна? — озираться начала Ян Гуйчжэнь. — А муж твой где? И Хаомина не видно.

Чэнь Хунбин, как и многие женщины её возраста, в своё время делала татуаж бровей и губ, но вышло не очень — и форма, и цвет уже давно вышли из моды. Чтобы хоть как-то это скрыть, она каждый раз на выход наносила яркий макияж. Сегодня она с утра на ногах, и косметика — особенно на глазах — уже порядком поплыла: подводка размазалась, тени растеклись, и когда она вытаращила глаза, это выглядело весьма комично.

— Муж мой дома у плиты дежурит! Завтра родню принимать — нужно всё сегодня приготовить, — пробормотала она с чуть натянутым выражением. — А Хаомин уже взрослый, ему не до наших гуляний. Убежал днём, сказал, что... встречает Новый год с девушкой!

— Ого! — воскликнула Ян Гуйчжэнь. — У Хаомина, что, девушка появилась?

Чэнь Хунбин довольно повела бровями, но правая её бровь давно стерлась, так что движения получилось не выразить.

— Ну ты спокойная, — протянула Ян Гуйчжэнь, в голосе уже послышались нотки насмешки. — Он же в одиннадцатом классе, а ты не только не волнуешься за его учёбу, так ещё и с девушками разрешаешь встречаться?

Чэнь Хунбин изобразила беззаботную улыбку:

— У Хаомина своя голова на плечах. А я, как мать, если буду во всём его контролировать — он ещё обидится. Пусть встречается, если хочет. Девочка, кстати, из богатой семьи, и учится отлично.

Ян Гуйчжэнь закатила глаза.

— А у вас как, Бинбин где? — поинтересовалась Чэнь Хунбин.

— Вон, — Ян Гуйчжэнь мотнула подбородком в сторону. — С отцом петарды запускают.

Чэнь Хунбин выдавила натянутую улыбку:

— Всё-таки Бинбин молодец, к вам привязан, не то что наш Хаомин. Эх... одно только меня в нём радует — учёба...

Раздался оглушительный грохот фейерверков, заглушив словесную перепалку между женщинами. Всё вокруг кипело весельем — пели, танцевали, смеялись. Праздничная суета будто прикрыла накопившие обиды и скрытые уколы красивым покровом «дружбы и согласия».

Все вокруг с радостными лицами кричали: «Счастья и богатства!», а в душе каждый надеялся, что именно у других не будет ни счастья, ни богатства.

Чэнь Хунбин и Ян Гуйчжэнь были главными организаторами танцев на площади, а также ведущими. В молодости Чэнь Хунбин считалась красавицей, часто участвовала в художественной самодеятельности на заводе. Сейчас, когда большинство её ровесниц расплнело, она по-прежнему сохраняла стройность. Хотя танцевала она не так ловко, как Ян Гуйчжэнь, но благодаря фигуре ей досталась роль первой ведущей.

Сын Чэнь Хунбин, Сян Хаомин, и сын Ян Гуйчжэнь, Сюй Бинбин, были ровесниками. С детства росли вместе. В начальной школе они ещё шли наравне, но с поступлением в среднюю школу Сян Хаомин начал обгонять Сюй Бинбина по всем параметрам — и внешность, и успехи в учёбе. Это заставляло Ян Гуйчжэнь чувствовать себя неловко рядом с Чэнь Хунбин.

А теперь Чэнь Хунбин ещё и хвастается, будто у Хаомина появилась богатая девушка, с которой он встречает Новый год в центре города. От этого Ян Гуйчжэнь и вовсе захлестнула злость.

Ну ладно, сама она уступает Чэнь Хунбин — и фигура, и танцы. Но почему её сын тоже должен уступать?

С резким хлопком где-то впереди раздался смех — громкий, до икоты. Ян Гуйчжэнь обернулась и увидела, как Сюй Бинбин, криво ухмыляясь, ставит связку фейерверков.

Она со злостью топнула ногой. Всё внутри закипало. Не понимала, чего он так веселится. Такой уже взрослый, а толку — ни в учёбе, ни в уме. Только и умеет позорить мать.

Площадка для фейерверков находилась в западной части переуллка. А на востоке перегорело

несколько фонарей, поэтому там было темно. Свет пробивался лишь из немногих окон старых домов — одно из них принадлежало Чэнь Хунбин.

Она сказала Ян Гуйчжэнь неправду.

Завтра к ним никто не придёт. Муж, Сян Линь, вовсе не готовит — он вчера не пришёл домой, и где шатается, она не знает. И Сян Хаомин не ходил ни на какую встречу Нового года в центре, никакой девушки у него нет — она всё это только что выдумала.

На самом деле Сян Хаомин сейчас сидел у себя в комнате и решал задачи. Конечно, не по собственной воле, а потому что мать заставила. Сян Линь так и не вернулся с ночи — пропал неизвестно где.

Чэнь Хунбин прожила уже полжизни, была тщеславной женщиной, всё время сравнивала себя с другими и больше всего дорожила репутацией. Того, что её муж постоянно пропадает по ночам и не участвует в семейных делах, она бы никогда не позволила соседям узнать. Что до Хаомина — много лет она упорно создавала образ «одарённого, способного и от природы умного мальчика, который почти не учится, но всё равно получает высокие баллы», чтобы в беседах с такими, как Ян Гуйчжэнь, чувствовать моральное превосходство.

С дальнего конца переулка снова донеслись грохот и крики. Даже плотно закрытые окна не могли полностью заглушить этот шум.

Сян Хаомин раздражённо швырнул ручку, скомкал черновик и с силой бросил его на пол.

На письменном столе стояла старая семейная фотография. Снята она была так давно, что и не вспомнить когда — на ней он ещё совсем маленький, с пионерским галстуком на шее. Чэнь Хунбин настаивала, чтобы фото всегда стояло на видном месте. И каждый раз, когда он садился за уроки в мрачном настроении, взгляд невольно цеплялся за эту рамку — и становилось только хуже.

Он хотел бы разнести эту рамку вдребезги, а потом и саму фотографию порвать в клочья.

Эта фальшивая «семейная идиллия» вызывала у него лишь одно чувство — отвращение.

До полуночи оставалось ещё немного. Сян Хаомин уже давно не мог сосредоточиться на учёбе. Он слишком хорошо знал Чэнь Хунбин — эту женщину, которую он больше не мог называть «мамой». Она не вернётся домой, пока последние гости не разойдутся.

Он решительно переоделся, кинул взгляд на классный чат в WeChat — там всё гудело, почти все одноклассники где-то гуляли или хотя бы сидели с родственниками за праздничным столом. Один он, в самый разгар Нового года, был заперт дома и вынужден был зубрить.

В шестнадцать-семнадцать лет, если в подростковом возрасте пробуждается бунтарство — то остановить его уже почти невозможно. Сян Хаомин достал из ящика восемьсот с лишним юаней — деньги, отложенные из тех, что ему давали на учебные пособия. Засунул в рюкзак шарф и перчатки, и, не оглядываясь, хлопнул дверью.

На лестничной площадке стоял сырой, затхлый запах. Он сморщился и зажал нос, быстро пробежав вниз.

Он просто не мог понять — что вообще происходит с этими нищими людьми из переулка? Зачем весь этот балаган? Недавно Чэнь Хунбин собирала деньги по квартирам — якобы на продукты для праздничного стола, на красные фонарики, на те самые фейерверки, которые теперь возили фурой.

Тысячи, десятки тысяч юаней — и всё ради каких-то бессмысленных «праздников». Почему бы не вложить эти деньги хоть во что-то полезное? Например, сделать ремонт, хоть немного улучшить условия, в которых они живут?

Всё это казалось ему жалким. Обычные нищие, жалкие людишки с самого дна общества, ни таланта, ни связей, и при этом так стараются построить иллюзию «добрососедства» и «праздничного тепла».

Сян Хаомин думал, что эти потуги жалки, как детская игра в дочки-матери.

Но что было особенно горько — он сам родился здесь. Он — такая же маленькая, ничтожная букашка.

Как только эта мысль мелькнула в голове, Сян Хаомин почувствовал, как злоба в нём закипает. Он готов был прямо сейчас вырваться из переулка Фанлун, поскорее, куда угодно. Шаг его всё ускорялся, пока не перешёл в бег.

— Ай! — резкий крик сорвался с губ, когда грудь пронзила тупая боль. Сян Хаомин нахмурился: он врезался в кого-то. Это был Сюй Бинбин.

— Эй, Сяо Мин, ты был дома? — наивно обрадовался тот. — А чего ты тогда не пошёл с нами фейерверки запускать?

Сян Хаомин не испытывал к нему неприязни, но и тёплых чувств — тоже. В его глазах Сюй Бинбин был просто простодушным дурачком.

Сзади к ним подошла Ян Гуйчжэнь. В этот момент она смотрела на Сян Хаомина с каким-то странным, колким выражением лица.

И он мгновенно понял, что у неё на уме.

Эта поверхностная женщина — не упускает случая посостязаться с Чэнь Хунбин: чей сын лучше, чья семья благополучнее.

Сян Хаомин с удовольствием воспользовался шансом выставить Чэнь Хунбин в невыгодном свете и с фальшивой улыбкой сказал:

— Я всё время был дома. Мама заставила меня сидеть и делать уроки.

Как только он это произнёс, на лице Ян Гуйчжэнь заиграла победоносная ухмылка, которую она уже не пыталась скрыть.

— Ай-ай-ай! — воскликнула она. — А Хунбин только что говорила мне, что ты с девушкой в центр поехал — слушать бой курантов.

— У меня нет девушки, — спокойно покачал головой Сян Хаомин.

Ян Гуйчжэнь, похоже, была окончательно довольна: она улыбалась так, что аж лицо перекошилось.

— Ладно, — бросил он, — я пошёл. Хочу хоть немного прочувствовать новогоднюю атмосферу, пока мама не вернулась. Тётя Гуйчжэнь, только не говорите ей, что вы меня видели, хорошо?

— Иди-иди, ничего я не скажу, — замахала руками Ян Гуйчжэнь.

Сян Хаомин улыбался, но, проходя мимо неё и Сюй Бинбиня, его улыбка тут же исчезла, будто её и не было.

В два часа ночи новогодние гулянья наконец-то завершились. Площадка была усыпана красными клочьями бумаги от взорванных петард. После полуночи Чэнь Хунбин ещё некоторое время вела своих подруг по танцам, под бурные аплодисменты — это её невероятно вдохновляло.

Она устала, но всё же наслаждалась этим вниманием сполна.

Когда вернулась домой, в комнате сына уже не горел свет. Чэнь Хунбин решила, что он спит. Раздеваясь и смывая макияж, она вполголоса принялась проклинать Сян Линя.

Она действительно желала ему смерти — тогда, когда дом пойдёт под снос, вся компенсация достанется только ей с сыном, а семья Сян ничего не получит.

Перед соседями Чэнь Хунбин была одной, дома — совершенно другой. Наругавшись вволю на

мужа, она выключила свет и легла спать, думая, что с утра встанет и сварит сыну юаньсяо. Но усталость взяла своё, и она проспала до самого полудня.

— Сяо Мин? — Чэнь Хунбин постучала в дверь спальни. — Ты завтракал? Давай в обед сходим куда-нибудь перекусить, вдвоём.

Ответа не было.

Чэнь Хунбин удивилась. Обычно Сян Хаомин слушался, никогда не игнорировал её.

— Я вхожу, — сказала она и толкнула дверь. Штора на окне слегка вздулась от сквозняка — комната была пуста.

Участок полиции улицы Фанлун.

Прошлой ночью весь личный состав дежурил. Сейчас часть полицейских уже отправилась на отдых, другие продолжали нести службу.

— Не волнуйтесь, расскажите всё подробно, — уговаривала Чэнь Хунбин измождённая девушка-полицейская по имени Сяо Ван. Под глазами у неё залегли тёмные круги. — Когда ваш сын ушёл из дома, какой у него номер телефона, аккаунты в соцсетях, в какой школе он учится... Нам нужно знать хотя бы это, чтобы начать поиски.

Чэнь Хунбин была в отчаянии. Обычно она быстра на язык, но стоило сыну пропасть, как она совсем растерялась и долго не могла внятно объяснить, что произошло.

После того как она поняла, что Сян Хаомина нет дома, она сначала звонила ему — телефон был выключен. Потом писала, но в WeChat даже не появлялось «собеседник набирает сообщение».

У неё были контакты нескольких его одноклассников и классного руководителя — она обзвонила всех, но никто не знал, где он и не получал от него сообщений.

Позвонила Сян Линю — его телефон тоже был отключён.

Не в силах предположить, куда мог деться сын, Чэнь Хунбин пошла в полицию.

Под руководством Сяо Ван она наконец смогла изложить всю необходимую информацию. Схватила полицейскую за руку, глаза у неё были покрасневшими:

— Сяомин не мог попасть в беду, правда? Он очень послушный, никогда не связывался с сомнительными людьми, учится хорошо... Пожалуйста, помогите мне его найти!

В большом городе, как Донгье, случаи «исчезновения» происходят часто. Лишь малая часть действительно связана с преступлениями. В основном — это временные исчезновения, недоразумения или даже чьи-то глупые розыгрыши.

Но когда речь идёт о пропаже подростка, полиция всегда реагирует незамедлительно — даже несмотря на усталость, дежурные тут же приступили к расследованию.

Камеры наблюдения показали, что в канун Нового года, в 23:12, Сян Хаомин один прошёл через восточный вход переулка Фанлун. За ним никто не следил, и после этого момента он больше не появлялся ни на одной из общественных камер.

Согласно записям мобильной связи, его телефон был отключён около четырёх утра в первый день нового года — в данный момент отследить его местоположение невозможно.

До самого вечера участок не смог найти ни малейших следов. Полицейские опросили всех одноклассников Сяна Хаомина, с кем смогли связаться, но никто не знал, где он.

Во время новогодних каникул часть городских уборщиков уходят в отпуск. В центре города, конечно, всегда кто-то дежурит, но такие районы, как переулок Фанлун, большую часть дня остаются без уборки. Четвёртого числа рано утром старик по имени Лао Сюй вышел на смену — сегодня его очередь. Он хотел поскорее закончить и вернуться домой праздновать.

Жители переулка недавно запустили несколько машин с фейерверками — повзрывали, да так и оставили после себя горы мусора: обрывки красной бумаги, коробки, всё свалено в одну яму. Никто не собирался это убирать.

Лао Сюй ругался себе под нос. В такую яму он один всё равно порядок не наведёт. Подумал, что лучше уж подождать, пока все выйдут на работу, тогда и завести грузовик с землёй, чтобы просто всё закопать.

Но у него были и свои причины залезть в яму. Слышал, что не весь порох был потрачен, а неиспользованные петарды можно продать перекупщикам — может, удастся выручить лишние сто юаней.

Светать ещё не начинало. Лао Сюй решил не откладывать: полез в яму, начал откидывать пустые коробки, продвигаясь всё глубже.

Вдруг он почувствовал, что обо что-то споткнулся. Разгрёб бумагу, осветил фонариком — и, увидев, что это было, закричал от ужаса.

Туман рассеялся, а территория была отцеплена — любопытных зевак держали на расстоянии.

Несколько полицейских машин выстроились у переулка. Приехали не только из отделения Восточного района, но и сотрудники уголовного розыска.

Лао Сюй сидел на скамейке, бледный как смерть, не в силах подняться:

— Этого... человека... у него вся кожа была содрана, он весь был в крови... чёрт... чуть не умер со страха!

Минг Шу вылез из машины и поспешно направился к месту происшествия.

Навстречу ему выбежала женщина с растрёпанными волосами и зарёванным лицом — чуть не врезалась в него.

— Это мама мальчика, пропавшего в канун Нового года, — объяснила Сяо Ван. — Она боится, что в яме нашли...

Минг Шу молча кивнул, взглянул на женщину и, не говоря ни слова, прошёл за ограждение.

Это была Чэнь Хунбин. От неё почти ничего не осталось — десятилетиями выстраиваемая маска рухнула за эти мучительные дни. Она сидела прямо на земле, всхлипывала и кричала, боясь одного — что в той яме найден её сын, Сян Хаомин.

Если бы это было просто обычное убийство, возможно, отдел по особо тяжким и не стал бы сразу выезжать. Но сейчас были праздничные дни, а описание, данное свидетелем, было пугающим: тело с содранной кожей, засыпанное обрывками красной бумаги. В пригородах Донгье, в некоторых деревнях, сто лет назад действительно существовал ужасающий обычай — сдирать кожу с живых людей и забирать их теменные кости, чтобы принести их в жертву ради избавления от болезней.

Жертвами становились здоровые, но крайне бедные люди. А вот те, кто убивал, — были богатыми и влиятельными.

Такой варварский ритуал давно исчез... и всё же казалось, будто он вдруг воскрес в самом центре города.

Минг Шу вообще-то был сегодня в выходном. Он уже договорился с Сяо Юанем прокатиться на машине по западной окраине. Но как только поступила информация — отменил всё и срочно выехал на место.

В яме всё ещё лежали обрывки бумаги и коробки от фейерверков. "Кровавое тело" уже перенесли.

На месте почти не пахло кровью — в воздухе витал резкий запах пороха.

Минг Шу надел перчатки и маску, нахмурился и подошёл к Син Му:

— Содрана кожа?

Син Му покачал головой. То ли от холода, то ли от вида трупа — его голос дрожал:

— Нет. Это не сдирали кожу. Это... петарды. Его разорвало фейерверками.

Минг Шу резко посмотрел на него:

— Петарды?

<http://bllate.org/book/14859/1322022>